

Немало месяцев играл я
На лотне и безбожно врал я,
Но вот исторгнул дивный звук...
Полине – слушать недосуг,
Что ж, понапрасну я учился?
Нет, просто случай не случился
[Пер. Топорова]

В последней строфе драматического монолога заключается развязка всего сюжета. Здесь можно выделить несколько ключевых слов, реализующихся на разных уровнях: переживания героя, выражающиеся в двойном противопоставлении рая и ада, а на уровне всего стихотворения – в противопоставлении слов «всю жизнь учился я любить» и заключительных слов стихотворения, утверждающих блаженство того, кому доступен рай. Перевод этой строфы наиболее удачен у обоих переводчиков, несмотря на то, что и здесь Топоров прибегает к устаревшему слову «молвила», смешивая реалии двух языковых культур и превращая Полину в героиню народных сказок.

Всю жизнь мою на изученье
Любви потратил я в мученье
Но вот сказал ей: Ад иль рай?»-
«Ад», молвила она. «Прощай!»
Я, и отвергнутый, уверен.
Прекрасен рай, что мной потерян!
[Пер. Топорова]

Таким образом, концептуальный стержень драматического монолога «Можно любить и так» составляет не просто безответная любовь героя к Полине, а собственно, характер самой личности героя. Его страстная, трепетная любовь – это авторский способ показать благородство, надежность и преданность героя. В этом и заключается особенность драматической любовной лирики Браунинга. Переводчики постарались адекватно передать образную систему оригинала в ее единстве со способами выражения, руководствуясь возможностями русского языка, иногда жертвуя при этом отдельными деталями.

Значение этих переводов трудно переоценить, так как они открывают российскому читателю до недавнего времени почти неизвестное ему имя популярного в Англии и за ее пределами поэта XIX века Роберта Браунинга, знакомят с прославленной им формой драматического монолога и приобщают, таким образом, к западно-европейской культуре викторианской эпохи, способствуя таким образом диалогу двух культур.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА В РАМКАХ КОРОТКОГО ЗАКОНЧЕННОГО ТЕКСТА

Р.Е. Богачёв
Белгород

Рассматривая такую лингвистическую сущность, как языковая картина мира, мы должны подойти к её исследованию с двух сторон. Мы можем рассматривать картину мира как с точки зрения традиционной лингвистики, т.е.

основываясь на трудах и идеях основателей самого понятия «языковая картина мира» (Витгенштейн, Гумбольдт, Вайсгербер) и идеи «гипотезы лингвистической относительности» (Сепир, Уорф), так и с точки зрения современной когнитивной лингвистики (Архипова, Борзенкова, Стернин, Кубрякова, Лакофф, Фрумкина, Берлин, Кей, Рош). В последнем случае следует говорить скорее не о чисто языковой картине мира, а о таком более широком понятии как концептуальная картина мира. Здесь мы придерживаемся определения «картины мира», которое даёт Ивицкая. «Картина мира – это исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий существенные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» (Ивицкая 2000: 122). Она отмечает, что это всегда субъективный образ объективной реальности, так как картина мира является всего лишь интерпретацией, а не зеркальным отображением явлений действительности. Картине мира свойственно изменение, а следовательно, она имеет динамический характер и направлена на познавательный процесс. Она возникает в процессе контактов человека с миром, при этом опыт и формы контактов характеризуются огромным разнообразием.

О.Д. Ивицкая приводит несколько картин мира.

Языковая картина мира (ЯКМ) – продукт сознания, результат взаимодействия мышления действительности и языка как средства выражения мыслей о мире.

Концептуальная картина мира (ККМ) - представляет собой гораздо более широкое понятие, так как в её создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные.

Номинативная картина мира отражает специфические способы средства номинации, характерные для данного национального варианта языка, являясь неотъемлемой частью ЯКМ (Ивицкая 2000: 122).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что картина мира – это продукт человеческого мышления, полученный при взаимодействии человека с окружающим миром. Языковая картина мира включает в себя язык в качестве своеобразного фильтра или трафарета, по которому мы мыслим.

Получается, что соотношение «ККМ» и «ЯКМ» – это продолжение давнего спора о соотношении языка и мышления

Вильгельм Гумбольдт, великий немецкий лингвист, основоположник общего языкознания, считал язык формирующим органом мысли. Развивая этот тезис, он говорил, что язык народа – его дух, дух народа – это его язык. «Язык есть орган, образующий мысль [...] интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое» (Гумбольдт 2000: 75).

Сепир говорил: «...границы языка и мышления в строгом смысле не совпадают. В лучшем случае язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщённом уровне символического выражения. Наш взгляд на природу языка можно сформулировать ещё следующим образом: язык по своей сути есть функция дорассудочная. Он смиренно

следует за мышлением, структура и форма которого скрыты и лишь при определенных обстоятельствах могут быть истолкованы. Вопреки общераспространённому, но наивному взгляду, язык не есть ярлык, заключительно налагаемый уже на готовую мысль» (Сепир 1993: 36).

Б.Л. Уорф признавал влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в повседневной оценке тех или иных явлений. Основа языковой системы (грамматика) не есть, по мнению автора, просто инструмент для воспроизведения мыслей. Напротив, грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза.

Когнитивистика рассматривает концептуальную картину мира как некую национальную концептосферу. Поскольку концепт – единица сознания, это означает, что концептосферы близких по происхождению и культуре народов могут в определенных сегментах совпадать, но в конечной би-сфере неизбежно могут быть разрывы и несовпадения. При сопоставлении концептосфер обнаруживается еще одна задача, требующая разрешения. Поскольку концепт реализуется не только вербально, то есть лексическими единицами, предложениями, текстами, но и телодвижениями, жестами, мимикой, движением глаз, положением головы, силой звука, высотой тона, – то все это при определенных условиях может выступать в качестве прямых репрезентантов концепта. Исследований в этой области, особенно межъязыковых, недостаточно, чтобы говорить о какой-либо их систематизации и типологизации.

Однако невербальные средства выражения концепта выходят за рамки материала статьи, поэтому упростим задачу, и будем говорить о законченном тексте как о наиболее удобной площадке для исследования взаимодействия языковых картин мира.

Почему мы выбрали именно короткий законченный текст, выраженный в литературной форме рассказа? Трудность в интерпретации текста заключается, как правило, не в полном непонимании содержания текста, а в наличии трудных или непонятных для восприятия интерпретатора мест в тексте. Такие места в тексте получили в лингвистике название лакун. Лакуны должны рассматриваться, по мнению Ю.А. Сорокина, как соотношение инварианта и варианта вербального поведения, где под инвариантом понимается вербальное поведение человека вообще вне зависимости от его национальной принадлежности, а под вариантом – реальное проявление инварианта вербального поведения в отдельно взятой локальной культуре. Вследствие различного опыта жизнедеятельности у разных наций варианты вербального поведения в различных национальных культурах могут, как совпадать, так и отличаться друг от друга. В последнем случае это ведёт к появлению лакун. По мнению Ю.А. Сорокина: «Лакуна – есть явление, принадлежащее коннотации, понимаемой как набор традиционно разрешённых для данной локальной культуры способов интерпретации фактов, явлений и процессов вербального поведения» (Сорокин 1977: 123).

Наличие языковых лакун объясняется, во-первых, различием в структуре самих языков (например, отсутствие артикля в русском языке), во-вторых, различием опыта жизнедеятельности нации и вследствие этого отсутствием или несоответствием понятий и реалий (русский самовар, немецкий фахверкхаус). Языковые лакуны занимают важное место в языковой картине мира. Метод элиминирования лакун помогает переносить некоторые фрагменты опыта из одной национальной культуры в другую, способствуя тем самым успешному общению представителей различных наций.

Однако выявление и систематизация языковых лакун в изучении взаимодействия языковых картин мира не являются целью высшего порядка. На самом деле важно знать: насколько полно удалось передать основную идею автора, т.е. насколько полно произошло взаимослияние различных национальных концептосфер, рассмотрев причины неполного соответствия взаимодействующих концептов (либо полного их отсутствия) и способы устранения этого несоответствия.

Используя рассказ как короткий законченный текст, мы можем оперировать завершённой идеей автора в разных языковых картинах мира, контролируя исходный материал на входе и полученный результат на выходе. Трансформация имеет вид: авторский идиолект + концептуальная картина мира → идиолект переводчика + концептуальная картина мира. Так что, имея результат на выходе, необходимо учитывать все трансформационные составляющие.

При анализе можно воспользоваться методом реверсивного перевода. Метод достаточно прост, но позволяет довольно ясно представить, насколько полно произошла интерпретация одной языковой картины мира в другую, каков был неизбежный процент потери смысла. В данном случае это взаимодействие можно образно представить как процесс переливания воды из одного ведра в другое. Какая-то её часть обязательно испариться, разбрызгается, растечётся, то есть, не попадёт в ведро.

Каждый человек может точно судить о точности или неточности перевода только в рамках своей языковой картины мира, если конечно он не является билингом или мультилингом. Возвращаясь к нашей образной метафоре, можно сказать, что первое ведро снабжено мерной линейкой, а второе нет. Чтобы узнать количество потерянной воды нам нужно снова перелить её в первое. Это и есть реверсивный перевод. Конечно, это общее положение, без учёта особенностей мышления, поскольку, переводя текст обратно на язык оригинала, мы прекрасно знаем, каков должен быть конечный результат и сознательно или подсознательно стремимся к нему, поэтому процент потери смысла здесь будет гораздо меньше. Можно считать, что основная потеря смысла происходит на перегоне «своя-чужая» (картина мира), что мы и должны учитывать.

Литература

¹ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. Общ. ред. Т.В. Рамишвили, послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М., 2000.

2. Ивицкая О.Д. К вопросу о национальной языковой личности и различиях в номинативных картинах мира (на примере Великобритании) // Юбилейный сборник статей. – М., 2000. – С. 122-142
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – 654 с.
4. Зарубежная лингвистика. Т. III. Пер. с англ., нем., фр. / Общ. ред. В.Ю. Розенцвейга, В.А. Звегинцева, Б.Ю. Городецкого. М.: «Прогресс», 1999
5. Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977.

ЭНДЕМИЧНЫЕ ЭТНОКОННОТИРОВАННЫЕ НОМИНАНТЫ НЕМЕЦКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

О.И. Быкова
Воронеж

Исследование культурной семантики в плане изучения того, как осуществляется носителями языка референция языковых знаков к концептам культуры, вряд ли представляется возможным без учёта взаимодействия когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического подходов. Вопрос о составлении концептуария культуры пока ещё остаётся дискуссионным из-за отсутствия критериев его описания. Более активно разрабатываются при исследовании отдельных концептов конкретной культуры единицы описания, призванные синтезировать элементы языка и культуры.

Этноэдемический концепт – единица этноязыкового сознания признаётся Н.Ф. Алефиренко как когнитивное основание для формирования не только фразеологического мышления, но и разнообразных переносных значений слова, семантики парафаз и паремий. Конструктивным является, на наш взгляд, рассмотрение этого типа лингвокреативного концепта как особого рода означаемого (плана содержания) языкового знака любого типа – номинативного (слово, фразеологизм и другие устойчивые словесные комплексы) или коммуникативного (предложение). Этносемантическая специфика может быть репрезентирована в различных смысловых компонентах, в том числе и коннотаций, переносного лексического значения, заключающего в себе вторично трансформированное содержание соответствующего концепта, и фразеологического значения (Алефиренко 2004, 71-72).

Особое место в этническом когнитивном пространстве как системе «знаний и представлений, накопленных всем этнокультурным сообществом» (Алефиренко 2002, 58) занимают эндемические концепты, вербализуемые безэквивалентными языковыми единицами. Они содержат уникальные культурно-специфические смыслы и в рамках межкультурной коммуникации рассматриваются как *абсолютно специфические* культурные смыслы, коррелирующие с явлениями, присущими лишь одной культуре и отсутствующие во всех других (Донец 2004, 99), основу которых составляют языковые единицы с национально-культурной спецификой внутренней формы (Леонтович 2002).